

Клинтоновский скандал

А из зала мне – давай все подробности...

А. Галич

Мы приехали в этот раз в Америку в конце августа, в разгар российского кризиса. Только что объявили default и Ельцин отправил в отставку Кириенко. Я старался, как мог, следить за российскими новостями – все стремительно летело в пропасть, непонятно было, остановится ли где-нибудь, не развалится ли все вообще. Обычно американские газеты почти не пишут о России. В это время – из-за кризиса – они что-то писали, но в основном вещи поверхностные.

Больше новостей было в Интернете, особенно, когда я нашел радио «Свобода». Я его иногда слушал, но чаще читал (слушать все же трудно; первое ощущение, знакомое по старой памяти – что глушат; на самом деле, видимо, какие-то помехи в сети).

А Америка в это время была занята скандалом Клинтон-Левински. Шла нескончаемая мыльная опера, как и в прошлом году – про этого черного футболиста, который зарезал свою жену. Меня этот скандал интересовал так же мало, как американцев – Россия. Но скандал подбирался к своему пику, а так как я старался слушать и американские новости – вдруг все-таки скажут что-то и про нас – то поневоле был в курсе. Говорили только про Монику.

И вот – доклад Старра. Вся Америка читала его по Интернету. На следующий день все газеты опубликовали дайджест – на одну-две газетные страницы. И тут уж я не удержался, прочитал. Хотя и не все, примерно половину. Мне хватило.

Надо сказать, что я был в шоке. Не из-за Клинтона, конечно. Что Клинтон – обычный бабник. И то, что произошло, лучше всего выражается старым словом *grex. Согрешил*. Слова эти, естественно, произносились. Но меня это, повторяю, не слишком интересовало. Чего не бывает. И Кеннеди был бабник, и Джефферсон, как наука доказала, прижил несколько детей со своей рабыней, что-то там было и с Рузвельтом, забыл уже. Да и в Клинтоне, как в президенте, я уже давно разочаровался. Ну а Моника – обыкновенная, не очень умная девка. Ну нравился ей Клинтон. И льстило – что президент. Опять же, все достаточно стандартно. Но ведь это их дело и семейное дело Клинтонов.

А мой шок – как такое можно публиковать? Про любого человека, будь он хоть последний уголовник. И публиковать не как слухи в желтой прессе, а как официальный документ. Написанный бюрократическим языком и со всеми деталями – как, когда и за что Клинтон ее трогал, что с нее снимал. Эта сигара.

В моей голове это не укладывалось. Кричат о правах человека. И, в общем-то, не только кричат, а действительно, вроде бы стараются обеспечить их у себя. И не нравится, когда они где-нибудь нарушаются. Но тут. Казалось бы *privacy* – одно из основных прав человека. И особенно почитаемое именно в англосаксонской культуре.

Как же так. Ведь это все равно, как выставить человека голым на всеобщее обозрение. Или поставить скрытую камеру – как теперь иногда ставят в логове какого-нибудь редкого зверя – и демонстрировать картинку по всем телевизионным каналам. Но ведь он не зверь, а человек. Хоть и президент.

Много было и всяких замечательных деталей. В общем-то, за ним (за Клинтоном) буквально охотились. Этот независимый прокурор Старр вцепился в него, как бульдог, за несколько лет до этого. И никаких грехов не нашел. А потом узнал из доноса – об отношениях Клинтона с Моникой. И в каком-то смысле загнал их в ловушку. На процессе Полы Джонс их обоих спрашивали об их отношениях. Казалось бы, какое право имеют спрашивать об этом? И почему они обязаны отвечать? Но, оказывается, по американским

законам имеют право спрашивать и человек обязан отвечать. И никаких тебе *Amendments* к конституции по этому поводу.

По нашим обиходным меркам, человек в такой ситуации – если у него спрашивают, были ли у него отношения с женщиной – должен или отказаться отвечать на этот вопрос, либо отрицать. Но это по нашим советским меркам. Мерки советские и американские сильно отличаются. Но к этому я еще вернусь.

Я вдруг заметил, что я пишу только о нарушении *privacy* Клинтона, а не Моники, хотя и ее *privacy* было попорчено. Дело, наверное, в том, что это она раскололась, а раньше еще рассказывала все это своей подруге, этой самой доносчице, Линде Трипп. И обстоятельства – как ее раскололи – тоже замечательны. Буквально на следующий день после того, как она дала свои показания на суде Полы Джонс, отрицая свою связь с Клинтон, она пришла в какой-то отель на свидание с этой самой Линдой. А в отеле ее встретили два агента ФБР (вместе с Линдой). Они отвели ее в номер гостиницы и там допрашивали несколько часов. Сказали, что все знают, и что за ложные показания на суде Полы Джонс ей грозит 27 лет тюрьмы. Это было, конечно, чистой воды шантажом. Пола Джонс врала на своем суде много, и никто ее не преследовал. Моника было заикнулась про адвоката, но ей отказали, совершенно незаконно. Она еще просила разрешить ей позвонить маме. Ей, конечно, не дали, сказали, что она сама достаточно взрослая (надеясь при этом, что она будет вести себя, как ребенок). И, конечно, раскололи ее. Она и выдала – все подробности.

А через день или два давал показания Клинтон. И те, кто его спрашивал, вроде бы уже знали о показаниях Моники, от того же Старра. И именно то, что он отрицал связь с Моникой, стало его преступлением. До этого он никаких преступлений не совершал. Так на каком основании их терзали? Как потом справедливо писала какая-то французская газета, если бы их не спрашивали, не было бы никакого преступления.

И еще – о шоке. В каком-то смысле еще большим шоком для меня было то, что ни для кого в Америке шоком это не было. Моя реакция была, видимо, стандартно-европейской (должен, правда, сказать, что о европейской реакции я читал в пересказе, европейские газеты мне не попадались). А в Америке – по телевизору, по радио, в газетах, на каждом углу – все обсуждали доклад Старра, многих он раздражал, многих возмущали его методы, но сам факт публикации такого доклада никого не шокировал. Даже Барбару. Она тоже меня не понимала. Я говорил ей о *privacy*, а она мне – о праве суда на информацию и о невозможности цензуры.

Были позже очень интересные и глубокие статьи в таких газетах, как *New York Times* или *New York Review of Books* о моральной стороне этого дела и аморальности методов Старра. Вообще об усилении воинствующего неоконсерватизма в Америке (воюющем против аборт, признающем *privacy* только внутри семьи, готовом чуть ли не уничтожать наркоманов и т.п.). Но это, все же, о другом. В целом, контраст между европейской и американской реакцией был удивителен.

Вот это вдруг открывшееся отличие – между твоей реакцией и реакцией всех окружающих, причем не в какой-то мелочи, а в чем-то очень важном – и вызывает шок. Как же так, такая здоровая, нормальная страна.

Единственная аналогия, которую я вспомнил – эти «исторические» публикации Фоменко, его математические «доказательства» морозовской «теории». Про Морозова все понятно, он в своем равелине 30 лет провел. А этот – вроде бы математик с мировым именем, в одиночке не сидел. Казалось бы, с первого взгляда очевидно, что бред. Но меня тогда поразила реакция моих знакомых математиков. Почти все они, за редким исключением, говорили: «А что, у Фоменко все корректно, почему историки его не слушают?». По сути дела, это был

культурный контраст, непонимание того, как работает историк, что для него факт (и что такое наука).

Но тут, с Клинтоном, речь шла о каких-то совсем уж основополагающих вещах, которые, казалось бы, у всех нормальных людей должны быть одинаковы.

Но вот поди ж ты – что такое норма?

* * *

Размышляя немного над этой историей, отмечаешь несколько связанных с ней вещей, в которых советские люди и американцы несколько расходятся.

Privacy. При всем, казалось бы, уважении к privacy, в каком-то смысле, его в Америке меньше. По крайней мере, черта между тем, что открыто обсуждается, и о чем не принято говорить, проходит в разных местах. Причем у нас она сейчас смещается в американскую сторону (я говорю, конечно, о, так сказать, своей среде, а не о тех молодых людях, которые готовы перед телекамерой обсуждать все, что угодно – свою импотенцию, или, наоборот, сколько раз с кем и как).

Например, раньше у нас о многих своих болезнях не принято было ни с кем говорить, кроме врача (а о раке и врач с пациентом не говорил, но это уже другое). Я помню, как лет 15 тому назад мой приятель-американец удивил меня, сказав, что у его жены два раза были miscarriage, и вот сейчас, наконец, удалось, с третьей попытки она родила. У нас тогда (сейчас все изменилось) было не принято в кампании говорить об этом. Другое дело, женщина говорит об этом подруге. Но отношения подруг здесь – это как в Америке отношения с психоаналитиком.

Опять же, психоаналитики. Это немного из другой оперы, но в чем-то близко. Там общение с психоаналитиком в трудные минуты жизни – почти что норма. Во всяком случае, сплошь и рядом вполне нормальные, психически здоровые люди обращаются к психоаналитику. Я же не могу себе представить – как и зачем я пойду к психоаналитику. По крайней мере, пока буду здоров.

Еще несколько примеров. Американка может сказать за столом, в кампании: «Я тут начала пить по утрам чай вместо кофе, и у меня часто случалось constipation. Снова стала пить кофе, и все наладилось».

Двери. Может быть, это что-то другое, но, кажется, встает в ряд. На лекции в американском университете дверь в аудиторию в норме открыта. Закрывают, только уж если очень шумят в коридоре. Меня, почему-то, это ужасно раздражает (лекция – это наше частное дело). Барбара сидит в своем кабинете, и в университете, и дома, и дверь всегда открыта. Мне же – даже дома, когда я работаю, хочется дверь закрыть. Японец Хисао и «гречка» Анти, снимавшие у Барбары комнаты, тоже закрывали двери. Барбара удивлялась.

В то же время, тут чаще

...

Раскроет душу мне матрос в тельняшечке,
о том, как трудно жить ему бедняжечке.
Сойдет на станции и не оглянется...

Отношение к праву, лжесвидетельству, etc. Для американца лжесвидетельство – это действительно преступление. Причем не только юридически, а и в обывательском сознании. Врать вообще нехорошо. А уж врать на суде, когда присягу даешь...

Для советского же человека – известное дело. И просто соврать ничего не стоит. А уж перед государством – сам Бог велел. Вообще (кто только этого не отмечал), мы склонны пренебрегать правом и полагаться на мораль, чувство справедливости и т.п.

И тут американская традиция как-то приятнее. Но право, все-таки, всегда неполно. Что-то новое возникает в жизни, что-то только осознается и еще не вошло в право. В частности, и отражение privacy в праве.

Вот Е. Боннер в воспоминаниях о Сахарове возмущается тем, что КГБ в Горьком тайно снимало его в больнице, когда он застегивал штаны, а потом продавало эти пленки западному телевидению, как доказательство того, что он жив. Действительно, гнусно. Но запрещено ли это каким-нибудь законом?

Так же и здесь. Не болтать про отношения с женщиной – вроде бы, это эталонное поведение, и здесь, и там (to get, to forget and not to tell – это же английская шутка). Поэтому на суде – конфликтная ситуация: «правду и только правду» и – не выставлять на всеобщее обозрение отношения, посторонних не касающиеся. Я не юрист и не знаю, как тут быть. Но ведь допускается же отказ от показаний про себя и про близких. Должны и тут быть какие-то нормы, защищающие privacy. А уж если в каких-то случаях необходимо спросить, могут же быть ограничения на публикацию этой информации, типа врачебной тайны.

* * *

Добавление: Larry Flynt vs Starr. Ларри Флинт – человек в Америке знаменитый. Это издатель журнала "Hustler", так сказать, чистой порнографии для простого человека, без всякой претензии на интеллигентность, как "Плэйбой". В свое время он выиграл процесс в Конституционном суде против тех, кто пытался запретить порнографию. Т.е. борец за свободу слова и против лицемерия. Форман снял замечательный фильм "People vs Larry Flynt", основанный на биографии Ларри Флинта.

Так вот Ларри Флинт после публикации доклада Старра пригласил его быть консультантом в своем журнале – он писал, что "Hustler" никогда не смел публиковать таких описаний, которые приведены в этом докладе.

А потом он предложил премию в 1 миллион долларов каждому, кто сообщит достоверную информацию о супружеских изменах членов конгресса. И с тех пор с помощью ли Ларри Флинта, или без него обнаружилось, что очень и очень многие конгрессмены имели (и скрывали) такого рода грешки. Так Левингстон, намечавшийся было преемник Гингрича (председателя Палаты представителей), ушел в отставку, отказался даже от своего депутатства. У председателя комиссии, которая занималась делом Клинтона, тоже оказалось рыльце в пуху. Чуть ли не модно стало публично каяться в своих грехах. Скоро, наверное, без этого и не выберут никуда.